

УДК 327

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-1-217-226

Об эволюции российско-абхазских отношений в 1990-е – начале 2000-х годов

Рыжов И.В.¹, Старкин С.В.¹, Соколов Р.Н.²

- ¹⁾ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия, 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2;
- ²⁾ Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Россия, 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а
E-mail: ivr@fmo.unn.ru, starkinserge@mail.ru, romasokolov777@gmail.com

Аннотация. Кризисные явления последних лет существования СССР и последующий распад государства активизировали центробежные тенденции, приведшие к нескольким этнополитическим конфликтам и возникновению непризнанных государств. Одним из таких стала Абхазия, отстаивавшая свою независимость от Грузии. Россия в период 1990-х – первой половины 2000-х гг. старалась придерживаться многовекторного подхода к ситуации на Южном Кавказе, не занимая позиции Тбилиси или Сухума. Несмотря на большое количество работ, затрагивающих российско-абхазские отношения, в большинстве своем они посвящены роли России в урегулировании грузино-абхазского конфликта и преодолении его последствий либо развитию российско-абхазских отношений после августа 2008 г. Целью данного исследования является анализ российско-абхазских отношений в период между завершением активной фазы грузино-абхазского конфликта и признанием Россией независимости Абхазии. Авторами описаны основные этапы в развитии сотрудничества между двумя странами. Основной акцент сделан на эволюции политики Российской Федерации в отношении данного государства, выразившейся в развитии стратегического партнерства в политической, экономической, социальной и культурной сферах. Стратегия российского политического влияния на государство Абхазия в рассматриваемый период претерпевала определенные изменения на фоне развития отношений между данными странами, с одной стороны, и Грузией – с другой. Полученные результаты позволяют сделать выводы как о поступательном развитии российско-абхазских отношений, так и о попытках российского руководства лавировать между интересами Грузии и Абхазии с целью недопущения нарушения баланса сил на Южном Кавказе.

Ключевые слова: Абхазия, Россия, Грузия, Южный Кавказ, международные отношения, стратегическое партнерство, международное посредничество, чеченские кампании

Для цитирования: Рыжов И.В., Старкин С.В., Соколов Р.Н. 2022. Об эволюции российско-абхазских отношений в 1990-е – начале 2000-х годов. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (1): 217–226. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-217-226

Evolution of Russian-Abkhaz relations in the 1990s – early 2000

Igor V. Ryzhov¹, Sergej V. Starkin¹, Roman N. Sokolov²

- ¹⁾ Lobachevsky State University of Nizhnii Novgorod,
2 Ulyanov St., Nizhny Novgorod 603005, Russia;

- ²⁾ Linguistics University of Nizhny Novgorod,
31A Minin St., Nizhny Novgorod 603155, Russia

E-mail: ivr@fmo.unn.ru, starkinserge@mail.ru, romasokolov777@gmail.com

Abstract. The crisis phenomena of the last years of the existence of the USSR and the subsequent collapse of the state intensified centrifugal tendencies, which led to several ethno-political conflicts and the emergence of

unrecognized states. One of these was Abkhazia, which defended its independence from Georgia. Russia in the period of the 1990s – the first half of the 2000s tried to adhere to a multi-vector approach to the situation in the South Caucasus, without taking the position of Tbilisi or Sukhum. Despite the large number of works that affect Russian-Abkhaz relations, most of them are devoted to the role of Russia in the settlement of the Georgian-Abkhaz conflict and overcoming its consequences, or the development of Russian-Abkhaz relations after August 2008. The purpose of this study is to analyze Russian-Abkhaz relations in the period between the end of the active phase of the Georgian-Abkhaz conflict and the recognition of the independence of Abkhazia by Russia. The authors describe the main stages in the development of cooperation between the two countries. The main emphasis placed on the evolution of the Russian Federation's policy towards this state, expressed in the development of a strategic partnership in the political, economic, social and cultural spheres. The strategy of Russian political influence on the state of Abkhazia during the period under review underwent certain changes against the background of the development of relations between these countries, on the one hand, and Georgia, on the other. The results obtained allow to draw conclusions both about the progressive development of Russian-Abkhaz relations and about the attempts of the Russian leadership to maneuver between the interests of Georgia and Abkhazia in order to prevent an upset of the balance in the South Caucasus.

Keywords: Abkhazia, Russia, Georgia, the South Caucasus, international relations, strategic partnership, international mediation, the Chechen campaigns

For citation: Ryzhov I.V., Starkin S.V., Sokolov R.N. 2022. Evolution of Russian-Abkhaz relations in the 1990s – early 2000. *Via in tempore. History and political science*, 49 (1): 217–226 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-1-217-226

Введение

После распада СССР произошли существенные трансформации в геополитическом ландшафте и расстановке сил на международной арене. Это было связано, в первую очередь, с появлением на постсоветском пространстве новых независимых государств, осуществление которыми полноценной и грамотной внешней политики в значительной степени затруднялось рядом внутривосточных трудностей, а также борьбой за приграничные территории. В контексте выстраивания внешнеполитического курса Россией как правопреемницей Советского Союза во взаимодействии с новыми государствами особого внимания заслуживает анализ взаимоотношений с Абхазией.

Оба государства обладают тесными историческими связями. Так, во время правления императора Александра I в 1810 г. Абхазское княжество было присоединено к Российской империи, что послужило стимулом для развития дальнейшего сотрудничества двух стран в экономической сфере и взаимопроникновения их культур. Уже более двухсот лет Абхазия представляет собой важнейший в стратегическом плане для России регион Южного Кавказа. Выход к побережью Черного моря в значительной степени повышает стратегический морской потенциал региона, а также его привлекательность с рекреационной точки зрения в силу расположения в нем морских курортов. После прихода к власти в России В. Путина в декабре 1999 г. произошло заметное укрепление партнерства двух стран в культурной, социальной и экономической сферах. Россия играла важнейшую роль в обеспечении гармоничного развития государства Абхазия и являлась посредником в выстраивании им взаимоотношений с ведущими игроками международной арены. Однако ошибочно рассматривать весь комплекс российско-абхазских взаимоотношений лишь с точки зрения сотрудничества во всех областях, так как до президентства В.В. Путина РФ занимала совершенно противоположную позицию в отношении Абхазии.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступает комплекс взаимоотношений России и Абхазии в период нахождения у власти в Абхазском государстве В.Г. Ардзинба. Методологической основой данной работы является системный подход, который позволил получить целостную кар-

тину взаимоотношений между Абхазией и Россией в рассматриваемый период. Кроме того, данный подход стал основанием для детального описания трансформации внешнеполитического курса Российского государства по отношению к Абхазии в период президентства Б.Н. Ельцина по сравнению с курсом, выработанным нынешним главой РФ В.В. Путиным. Для достижения поставленной цели и решения обозначенных задач при проведении исследования также были использованы такие общенаучные методы, как анализ, синтез, индукция и дедукция. Для анализа различной документации, на основании которой выдвигались тезисы работы, касающиеся сотрудничества РФ с Абхазией и выработки особой стратегии в отношении сотрудничества с Россией В. Ардзинба, применялся контент-анализ.

Результаты и их обсуждение

До 1920 г. Абхазия была де-факто независимым государством до вхождения в состав Грузии во время нахождения у власти в СССР И.В. Сталина [Ачба, 2016, с. 97]. По итогам Всесоюзного референдума о сохранении СССР, состоявшегося 17 марта 1991 г., в целом Абхазия показала желание сохранить собственный статус союзной республики и, следовательно, выступала за сохранение Советского Союза как геополитической реальности [Петрова, 2011, с. 266]. Однако стоит подчеркнуть, что абхазское население уже не было столь солидарно в вопросе, касающемся референдума 31 марта 1991 г. о восстановлении независимости Грузии. В этом случае мнения в стране разделились: большинство населения Абхазии, представленное преимущественно самими абхазами, не выказало особого интереса в его разрешении, в то время как так называемое картвельское население государства было целиком и полностью вовлечено в участие в референдуме [Лакоба, 2001, с. 13]. Проведя всенародное голосование в рамках всего государства, она подтвердила, таким образом, свою позицию в первую очередь по вопросу о сохранении СССР как геополитической державы. Но с такой установкой была не согласна Грузия, чье правительство расторгло все имевшиеся договоренности с советскими республиками, в том числе и с Абхазией, а сама страна вышла из состава СССР [Петрова, 2011, с. 267]. Стоит отметить, что в этот период новые участники международных отношений направили основные усилия на сохранение и укрепление своей независимости и территориальной целостности. Данная внешне- и внутривнутриполитическая цель лежала в основе грузино-абхазского конфликта и войны, длившейся с 14 августа 1992 г. по 30 сентября 1993 г. и закончившейся победой Абхазии и обретением ею независимости от Грузии [Гицба, 2016, с. 57]. Стоит иметь в виду, что ряд исследователей воспринимают данные военные действия как конфликт между двумя странами, с одной стороны, и РФ, с другой [Цыганок, 2011, с. 10].

Построение независимого государства после распада СССР представлялось первоочередной задачей абхазского правительства, направленной на сохранение идентичности населения страны, и она была выполнена. Однако стоит отметить, что, несмотря на обретение Абхазией возможности построения суверенного государства в новом геополитическом климате, страна вступила в стадию кризиса после разрушительной и кровопролитной войны. В результате войны произошел не только упадок ее экономики и рост социальной напряженности, но также усугубились противоречия во внешнеполитической сфере во взаимодействии с ключевыми акторами мирового сообщества [Гицба, 2016, с. 57].

Большую роль в возрождении государства, безусловно, сыграла Россия, которая была одним из первых мировых акторов, высказавших намерение оказать Абхазии помощь в обретении внутренней и внешней стабильности [Гончарова, Садикова, 2012, с. 61]. 1 декабря 1993 г. при посредничестве России между Абхазией и Грузией был заключен меморандум о взаимопонимании, по которому обе стороны приняли на себя обязательство о взаимном неприменении силы и немедленном обмене пленными [Лакоба, 2001, с. 86]. Важно подчеркнуть, что поддержка со стороны России была необходима государству. Это было связано с тем, что, с одной стороны, между двумя странами была возможна доста-

точно эффективная кооперация в сфере торговли, а с другой стороны, РФ как мировая держава, обладающая огромным военным потенциалом, могла выступать гарантом безопасности абхазских границ [Петрова, 2014, с. 360]. Тем не менее решение об оказании подобной поддержки было принято лишь после нескольких лет активного вмешательства российской стороны в процесс разрешения грузино-абхазских противоречий, в котором российское руководство более благосклонно было настроено по отношению к Грузии.

Россия, будучи влиятельной мировой державой, имеющей большое влияние на расстановку сил на международной арене, все же преследовала в первую очередь собственные интересы и на фоне грузино-абхазских противоречий видела главной целью грамотное политическое лавирование между обеими странами. Для недопущения эскалации конфликта Российская Федерация как правопреемница СССР инициировала переговорный процесс между Грузией и Абхазией, состоявшийся зимой 1994 г. в Женеве [Лакоба, 2001, с. 86], в ходе которого очевидным успехом российской дипломатии стало решение о введении в мае 1994 г. российских миротворческих формирований на территорию Абхазии. Однако данная мера не принесла больших успехов, так как в этом же году на границе между Грузией и Абхазией был введен режим «особого положения», что вновь усугубило отношения между российской и абхазской сторонами [Тужба, 2015, с. 265]. В то время российское правительство было всерьез обеспокоено дестабилизацией обстановки на Южном Кавказе за счет организации Абхазией определенной пропаганды среди населения региона, которая могла в значительной степени угрожать геополитическим интересам России. На фоне накалявшейся обстановки происходило ухудшение внутривосточной ситуации в Грузии, как никогда нуждавшейся в поддержке со стороны Российской Федерации, которая продолжала следование стратегии лавирования между двумя странами [Morrow, 1994]. В этой связи важно отметить подписание Россией и Грузией договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в ходе визита Б. Ельцина в Грузию 3 февраля 1994 г., в соответствии с которым на грузинской территории предполагалось расположение российских военных подразделений, а также предусматривалось установление контроля России на границе Грузии и Турции. В результате Грузия, воспользовавшись значительным сближением с Российской Федерацией, решила возобновить военные действия и открыла огонь по Абхазии. Это, в свою очередь, послужило препятствием для запланированного обмена беженцами между обеими сторонами, и Абхазия выступила с обвинением Грузии в попытке очередного вторжения на абхазскую территорию и нарушения ее суверенитета [Лакоба, 2001, с. 88].

Безусловно, для России вопрос установления стабильных отношений между обоими государствами Кавказа представлял чрезвычайную важность, так как Российская Федерация была наиболее авторитетным посредником переговорного процесса между ними. Российское руководство, используя весь спектр дипломатических методов и средств, своими действиями сумела привести оба государства к частичному примирению, о чем свидетельствует ряд заключенных при ее посредничестве двусторонних соглашений между Грузией и Абхазией. Так, во-первых, 4 апреля грузинской и абхазской сторонами были подписаны документы, касавшиеся урегулирования конфликта между ними. Первое соглашение закрепляло наличие у Абхазии собственных, независимых внутренних органов, осуществлявших управление страной, которые фактически признавались грузинской стороной как законные и определяющие суверенитет государства на международной арене. В документе также были очерчены контуры двустороннего взаимодействия государств, включая сферу экономических контактов и работу пограничных служб. Во-вторых, между Грузией и Абхазией было подписано соглашение, предусматривавшее взаимный обмен беженцами и лицами, совершившими военные преступления на территории обеих стран в ходе конфликта. И, в-третьих, в мае того же года государства подписали соглашение о взаимном прекращении огня и перемирии, в соответствии с которым Россия вновь была объявлена ООН главным посредником в миротворческом процессе по преодолению последствий грузино-абхазского конфликта [Лакоба, 2001, с. 91].

26 ноября 1994 г. была принята Конституция Республики Абхазия, а на пост Президента государства вступил В.Г. Ардзинба. С началом его президентства связан этап активизации российского влияния на ход грузино-абхазских переговоров. Российская позиция в данном случае была ориентирована на вовлечение Грузии, внутри которой все более очевидным стало возрастание прозападных настроений, в сферу своих интересов, чего, по мнению руководства Российской Федерации, можно было добиться главным образом путем наложения на Абхазию информационных санкций и пресечения коммуникации государства с участниками международного сообщества. Такая позиция оценивалась как наиболее эффективная и действенная, так как Грузия, наблюдая за созданием Россией подобной блокады Абхазии, должна была видеть союзника в лице российской стороны. Россия действительно оказывала большее содействие грузинской стороне в ходе переговоров, в результате чего под сомнение был поставлен вопрос о беспристрастности ее позиции, несмотря на тот факт, что до момента принятия Конституции Абхазии российская сторона активно участвовала в бомбардировках Грузии [Тужба, 2015, с. 263]. Так, миротворческими войсками Российской Федерации, образованными по условиям грузино-абхазского соглашения, была предпринята попытка оказания давления на Абхазию в вопросе обмена беженцами и военнопленными с грузинской стороной. По сути, это являлось прямым нарушением договора, заключенного под эгидой ООН, предполагавшего поэтапное решение данного вопроса без применения насильственных мер со стороны России. Ситуация усугубилась также попыткой грузинских диверсантов установить контроль над грузино-абхазской границей, что еще больше осложнило российско-абхазские отношения [Гицба, 2016, с. 58]. Также Грузия впоследствии отказалась от признания заключенного в апреле четырехстороннего соглашения с Абхазией, что привело к очередной конфронтации в их взаимоотношениях [Лакоба, 2001, с. 90]. В целом грузино-абхазский конфликт 1990-х гг. показал неспособность России выработать комплексный и грамотный подход к налаживанию связей с обоими государствами и урегулированию противоречий между ними. Это было связано, в первую очередь, с внутривнутриполитическим кризисом в стране, сопровождавшимся нарастанием противоречий между двумя политическими силами – демократами, высказывавшими недовольство в отношении идеи о присоединении Абхазии к Грузии, и националистами, которые видели будущее Абхазии лишь в составе Российской Федерации [Тужба, 2015, с. 263]. Россия, действия которой по выполнению условий заключенных соглашений дискредитировали ее правительство в глазах абхазского населения, оказалась в ситуации политического тупика и нуждалась в скорейшем преодолении накопившихся трудностей и противоречий.

Выход из данной ситуации, который казался правительству Б. Ельцина наиболее оптимальным, заключался в сближении с Грузией и оказании ей значительной поддержки в давлении на Абхазию. Российская Федерация видела в Грузии стратегического партнера в условиях возникавшей напряженности в Кавказском регионе, в связи с чем они заключили ряд соглашений о взаимопомощи, которая особенно нужна была России в рамках проведения военной акции в Чечне, а Грузии – в вопросе возвращения контроля над абхазской территорией. Придерживаясь подобной стратегии, российское руководство произвело блокаду российско-абхазской границы зимой 1994 г., за которой последовало наложение экономических санкций на государство, сопровождавшееся вводом войск во все объекты стратегического значения страны, включая сухопутное и морское базирование. Вплоть до 1996 г. Абхазия была подвергнута давлению со стороны Грузии и России, которые, по мнению экспертов, готовы были открыть огонь. Последней каплей в данном контексте стало развертывание российской стороной своего рода акции против прохода судов иностранных государств через акваторию Абхазии без контроля Российской Федерации. Она привела к прямому столкновению двух государств 20 марта 1996 г. при задержании Россией украинского судна в абхазской бухте, после чего Абхазия окончательно убедилась в приверженности России позиции Грузии [Лакоба, 2001, с. 96]. Противостояние между

двумя государствами продолжалось вплоть до 1998 г., объявленного грузинскими властями годом возвращения Абхазии. Грузия предпринимала попытки разрешить конфликт с большой выгодой для себя, стремясь провести операцию по принуждению к миру на абхазской территории в ходе очередной военной акции против данной страны, вошедшей в историю под названием Шестидневной войны между Грузией и Абхазией. Россия вновь сыграла роль миротворца в серии данных столкновений, сорвав планы Грузии по подчинению абхазской территории.

Качественно новый этап взаимоотношений России и Абхазии принято датировать 1999 г., когда Президентом Российской Федерации стал В.В. Путин и страна выработала особую стратегию во взаимоотношениях с данным государством. Новый президент поставил задачу восстановления отношений с Абхазией, а также репутации России на международной арене, которая оказалась в глубокой политической изоляции в результате проведения неудачной Чеченской кампании. Грузия не рассматривалась более в качестве главного союзника в Кавказском регионе, так как произошла переориентация данного государства на запад. Этот год характеризовался значительным охлаждением российско-грузинских отношений и в то же время восстановлением связей между Россией и Абхазией на фоне развивавшейся второй чеченской кампании [Лакоба, 2001, с. 101].

9 сентября была возобновлена радио- и телефонная связь Абхазии с другими государствами, в чем большая заслуга именно российского правительства. Россия официально отменила возложенные ранее на Абхазию санкции, что способствовало смягчению пограничного режима между двумя странами и проявлением абхазского населения интереса к получению загранпаспортов Российской Федерации. Данные шаги обуславливали стремление Российской Федерации вернуть прежнее влияние на Южном Кавказе, где Абхазия воспринималась центральным актором, отражающим российские геополитические интересы [Лакоба, 2001, с. 97]. В октябре был принят Акт о государственной независимости Абхазии, после чего в государстве более активно стали обсуждать вопрос об ее политическом статусе [Гицба, 2016, с. 59]. С этого момента российская сторона также начала активно проводить миротворческую деятельность в республике, что сыграло важную роль в снижении риска возобновления военных действий в регионе, а также в выработке перспективы для нормализации отношений между Грузией и Абхазией. Особое место в российской политике в отношении Республики Абхазия занимает социальный аспект, и повышенное внимание руководства страны к данной сфере объясняется наличием большого числа российского населения, проживавшего на абхазской территории. Важно подчеркнуть, что уже в начале 2000-х гг. Российской Федерации удалось снизить степень его дискриминации, а права российских граждан во всех областях общественной жизни были значительно расширены [Рыжов, Бородин, 2017, с. 429]. В большей степени это касалось культурной сферы, так как русский язык стал вторым официальным языком в государстве [Gerrits, 2016, с. 300]. Данное обстоятельство снискало широкую поддержку абхазского руководства, воспринимавшего его как один из главных механизмов для развития тесных связей с большим числом акторов международной арены. И именно поэтому возможность предоставления Абхазии полной независимости рассматривалась исключительно при условии сохранения тесных связей с Российской Федерацией во всех сферах жизни [Boden, 2014, с. 300].

Начало президентства В.В. Путина совпало также с определенным накалом в отношениях между Абхазией и Россией во многом вследствие непродуманных на первом этапе шагов, предпринятых Россией для выстраивания связей с обеими странами. В частности, значительное ухудшение социально-экономического положения граждан Абхазии, возникшее в результате длительной политической и экономической изоляции государства, вызвало у руководства страны сомнения по поводу эффективности предпринимаемых Россией мер для преодоления грузино-абхазских противоречий. В то же время значительно ухудшились взаимоотношения Российской Федерации и Грузии из-за неодобрения Россией поддержки грузинской стороной чеченских беженцев и их готовности к предо-

ставлению им убежища в ходе второй чеченской кампании [Гицба, 2016, с. 58]. Это, в свою очередь, способствовало изменению Россией ее классической позиции по отношению к Абхазии и создало благоприятную почву для развития их сотрудничества в разных сферах. 26 августа 2008 г. Российская Федерация признала независимость Республики Абхазия [Гицба, 2016, с. 59]. Все это, в свою очередь, привело к появлению возможности построения конфедеративного союза между двумя государствами и оформления прочной базы для их дальнейшего сотрудничества. Абхазия перестала восприниматься мировым сообществом в качестве территориальной составляющей Грузии и была официально признана им в рамках международной арены [Скаков, 2013, с. 190].

Заключение

В целом, несмотря на ряд трудностей в развитии отношений между Россией и Абхазией на рубеже XX–XXI веков, оба государства были настроены на выстраивание прочных связей в торговле и товарообороте, культурной сфере, а также в политико-административной области. Примерно с 2009 г. Абхазию ежегодно посещают более миллиона российских туристов, а после ухудшения отношений Российской Федерации со странами Запада в 2014 г. их число превысило миллион человек. О заинтересованности российской стороны в налаживании партнёрства с государством Абхазия свидетельствуют результаты социологических опросов, согласно которым более половины опрошенных высказались за вхождение Абхазии в состав Российской Федерации на правах автономной республики. Что касается взглядов абхазской стороны, они также выражали приверженность государства укреплению связей с Россией в перечисленных областях, и такая позиция объяснялась мощным военным потенциалом Российской Федерации, которую Абхазия воспринимала в качестве гаранта мира и безопасности в кавказском регионе. Именно поэтому В.Г. Ардзинба выступал с инициативой о возможности размещения Россией на абхазской территории ее военных баз для обеспечения защиты мирного населения.

Анализ развития взаимоотношений между Российской Федерацией и Абхазией показал, что первая на протяжении президентства в Республике В. Ардзинба проводила политику «двойных стандартов» в отношении данного государства, выступая против нее в коалиции с Грузией и в то же время участвуя в восстановлении ее разрушенной экономики. Тем самым Россия добивалась наиболее благоприятной расстановки сил в стратегически важном для нее регионе. Важно отметить, что развитие взаимоотношений между двумя странами в целом характеризовалось развитием тенденции, непосредственно связанной с трансформацией в расстановке политических сил на международной арене, а именно с ростом влияния стран прозападной ориентации на события, происходящие на Южном Кавказе, и вместе с тем – с ослаблением позиции России в регионе. Это в значительной степени ставило под угрозу вопрос суверенитета Абхазии в связи со склонностью западных стран к рассмотрению Абхазии в составе Грузии. При этом важно учитывать очевидное желание абхазской стороны развивать и укреплять отношения с Россией, так как она являлась наиболее сильной стороной в посредничестве в разрешении грузино-абхазских противоречий и выступала единственным гарантом территориальной целостности Абхазии, а также относительной внутренней стабильности в государстве. Таким образом, в настоящее время построение отношений между Россией и Абхазией происходит на основе принципов международного права, и связи между ними имеют ряд перспектив для дальнейшего развития.

Список литературы

- Гицба Х.Д. 2016. Развитие российско-абхазских отношений в период с 1993 по 1999 гг. Успехи современной науки и образования, 7 (10): 57–61.
- Гончарова А.В., Садикова А.К. 2012. Состояние и перспективы развития взаимоотношений России и Абхазии. Общество: социология, психология, педагогика, 2: 61–65.

- Лакоба С. 2001. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? О политике России в Абхазии в постсоветский период 1991–2000 гг. В кн.: Sapporo: Slavic Research Center. Hokkaido University: 109.
- Лиляк В.Б. 2011. Перспективы конфедеративного союза России и Абхазии. Пробелы в российском законодательстве, 2: 31–33.
- Петрова С.В. 2011. Российско-абхазские отношения в контексте современных реалий. Известия Алтайского гос. ун-та, 4–1: 264–268.
- Петрова С.В. 2014. Республика Абхазия в контексте геополитических процессов кавказского региона. Теория и практика общественного развития, 1: 359–361.
- Рыжов И.В., Бушуева С.В., Бородина М.Ю. 2019. Особенности положения черкесской диаспоры в ближневосточных государствах в XXI веке. Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики. Сборник статей. Сост. и гл. ред. А.А. Корнилов, отв. ред. А.А. Сорокин. Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 168–176.
- Рыжов И.В., Бородина М.Ю. 2017. Черкесская диаспора в ближневосточных государствах: история и современность. Труды Института востоковедения РАН. 5. М., Институт востоковедения РАН, 423–436.
- Скаков А.Ю. 2013. Ученые записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН. Том I: Абхазия. М., Институт востоковедения РАН, 230.
- Тужба Э.Н. 2015. Постсоветская динамика российско-абхазских отношений. Современные исследования социальных проблем, 3: 261–272.
- Цыганок А.Д. 2011. Война на Кавказе 2008: русский взгляд. Грузино-осетинская война 8–13 августа 2008 года. М., АИРО-XXI, 352.
- Чайкина В.А. 2014. Российско-абхазские отношения в оценках МИДа в 2008–2013 гг. Гуманитарные и юридические исследования, 4: 79–84.
- Achba A. 2016. Abkhazia – Russia’s tight embrace. URL: https://www.ecfr.eu/article/essay_abkhazia_russias_tight_embrace (accessed: 17 September 2021).
- Boden D. 2014. The Russian-Abkhaz Treaty: new tensions in the South Caucasus. Friedrich-Ebert-Stiftung, 1–4.
- Carter A., White J. 2001. Keeping the Edge. Cambridge, MIT Press, 287.
- Doyle M. 2003. Empires. Ithaca: Cornell University Press.
- German T. 2016. Abkhazia and South Ossetia: Collision of Georgian and Russian interests. Institut Français des Relations Internationales, 11: 1–17.
- Gerrits Andre W.M. 2016. Russian patronage over Abkhazia and South Ossetia: implications for conflict resolution. East European Politics, 32 (3): 297–313.
- Morrow James D. 1994. Game Theory for Political Scientists. Princeton, Princeton University Press, 354.
- Relations of Russia, Abkhazia, South Ossetia are those between sovereign states. 2014. URL: <https://tass.com/russia/765353> (accessed: 23 September 2021).

References

- Gitsba Kh.D. 2016. Razvitie rossijsko-abhazskih otnoshenij v period s 1993 po 1999 gg. [The Development of the Russian-Abkhazian Relations from 1993 to 1999]. Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya, 7 (10): 57–61 (in Russian).
- Goncharova A.V., Sadikova A.K. 2012. Sostoyanie i perspektivy razvitiya vzaimootnoshenij Rossii i Abhazii [Status and Prospects of Development of the Relations between Russia and Abkhazia]. Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika, 2: 61–65 (in Russian).
- Lakoba S. 2001. Abkhaziya – de-fakto ili Gruzija de-yure? O politike Rossii v Abkhazii v postsovetskiy period 1991–2000 gg. [Abkhazia – de facto or Georgia de jure? On Russian policy in Abkhazia in the post-Soviet period 1991–2000]. V кн.: Sapporo: Slavic Research Center. Hokkaido University: 109.
- Liliyak V.B. 2011. Perspektivy konfederativnogo soyuza Rossii i Abhazii [Prospects for a Confederate Union of Russia and Abkhazia]. Probely v rossiyskom zakonodatel'stve, 2: 31–33.
- Petrova S.V. 2011. Rossijsko-abhazskie otnosheniya v kontekste sovremennyh realij [The Russian-Abkhazian Relations in the Context of Modern Realities]. Izvestiya Altayskogo gos. un-ta, 4–1: 264–268 (in Russian).

- Petrova S.V. 2014. Respublika Abkhaziya v kontekste geopoliticheskikh processov kavkazskogo regiona [Republic Abkhazia in the Context of Geopolitical Processes in the Caucasian Region]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 1: 359–361 (in Russian).
- Ryzhov I.V., Bushueva S.V., Borodina M.Yu. 2019. Osobennosti polozheniya cherkesskoj diasporы v blizhnjevostochnykh gosudarstvakh v XXI veke [Features of the Position of the Circassian Diaspora in the Middle Eastern States in the XXI Century]. *Regiony mira: problemy istorii, kul'tury i politiki. Sbornik statej. Sost. i gl. red. A.A. Kornilov, otv. red. A.A. Sorokin. Nizhnij Novgorod, NNGU im. N.I. Lobachevskogo*, 168–176.
- Ryzhov I.V., Borodina M.Yu. 2017. Cherkesskaya diaspora v blizhnjevostochnykh gosudarstvakh: istoriya i sovremennost' [Circassian Diaspora in the Middle Eastern States: History and Modernity]. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN. 5. M., Institut vostokovedeniya RAN*, 423–436.
- Skakov A.Yu. 2013. *Uchenye zapiski Tsentra izucheniya Tsentral'noy Azii, Kavkaza i Uralo-Povolzh'ya IV RAN. Tom I: Abkhaziya. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN*, 230.
- Tuzhba E.N. 2015. Postsovetskaya dinamika rossiysko-abkhazskikh otnosheniy [Post-Soviet Dynamics of Russian-Abkhaz Relations]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem*, 3: 261–272.
- Tsyganok A.D. 2011. *Voyna na Kavkaze 2008: russkiy vzglyad. Gruzino-osetinskaya voyna 8–13 avgusta 2008 goda [War in the Caucasus 2008: Russian view. Georgian-Ossetian war August 8–13, 2008]. Moscow, AIRO-XXI*, 352.
- Chaykina V.A. 2014. Rossiysko-abkhazskie otnosheniya v ocenках MIDa v 2008–2013 gg. [The Russian-Abkhazian Relationship in Estimates of the Russian Foreign Ministry in 2008–2013]. *Humanities and law research*, 4: 79–84 (in Russian).
- Achba A. 2016. Abkhazia – Russia's tight embrace. Available at: https://www.ecfr.eu/article/essay_abkhazia_russias_tight_embrace (accessed: 17 September 2021).
- Boden D. 2014. *The Russian-Abkhaz Treaty: new tensions in the South Caucasus. Friedrich-Ebert-Stiftung*. 1–4.
- Carter A., White J. 2001. *Keeping the Edge. Cambridge, MIT Press*, 287.
- Doyle M. 2003. *Empires. Ithaca, Cornell University Press*.
- German T. 2016. Abkhazia and South Ossetia: Collision of Georgian and Russian interests. *Institut Français des Relations Internationales*, 11: 1–17.
- Gerrits Andre W.M. 2016. Russian patronage over Abkhazia and South Ossetia: implications for conflict resolution. *East European Politics*, 32 (3): 297–313.
- Morrow James D. 1994. *Game Theory for Political Scientists. Princeton: Princeton University Press*, 354.
- Relations of Russia, Abkhazia, South Ossetia are those between sovereign states. 2014. Available at: <https://tass.com/russia/765353> (accessed: 23 September 2021).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рыжов Игорь Валерьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики России, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, старший научный сотрудник международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor V. Ryzhov, Head of the Department of History and Politics of Russia of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Senior researcher at the international interdisciplinary research laboratory «Study of World and Regional socio-political processes» of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nizhny Novgorod, Russia

Старкин Сергей Валерьевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, старший научный сотрудник международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Соколов Роман Николаевич, младший научный сотрудник международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Sergej V. Starkin, Head of the Department of Politology of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Senior researcher at the international interdisciplinary research laboratory «Study of World and Regional socio-political processes» of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, Doctor of Political Sciences, Professor, Nizhny Novgorod, Russia

Roman N. Sokolov, Junior researcher at the international interdisciplinary research laboratory «Study of World and Regional socio-political processes» of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod, Russia